

The background of the cover is a photograph of a dense forest with tall, slender trees. The lighting is dramatic, with a strong golden glow filtering through the canopy, creating a mysterious and somewhat eerie atmosphere. In the lower center, a silhouette of a man wearing a trench coat and a fedora hat stands with his back to the viewer, holding a briefcase. A large, semi-transparent blue circle is centered on the upper half of the cover, containing the author's name and the title in white text.

ПЬЕР ЛОРРЕН

АНДРЕЙ
ЧИКАТИЛО

РОСТОВСКОЕ
ЧУДОВИЩЕ

Пьер Лоррен
Андрей Чикатило.
Ростовское чудовище
Серия «Наедине с убийцей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66659336

*Андрей Чикатило. Ростовское чудовище/ Лоррен П.: Родина; Москва;
2021*

ISBN 978-5-00180-191-7

Аннотация

«Первое убийство напугало и сконфузило меня, но после второго я испытал ликование и радость»

(Андрей Чикатило)

Выпускник филологического факультета Ростовского университета по специальности «Русский язык и литература», скромный завуч в школе, председатель районного комитета физической культуры и спорта, скромный семьянин, беззаветно и навсегда влюбленный в свою жену, Андрей Чикатило прожил бы тихую и незаметную жизнь, если бы однажды не поддался объявшей его страсти.

На протяжении десяти лет он убивал и насиловал женщин и детей в Ростовской и сопредельных областях. Часто эти преступления оставались нераскрытыми, но иногда по делам о

страшных убийствах сажали невиновных в том людей. Долгое время следствию даже не приходило в голову, что во всех этих убийствах может быть повинен один человек...

О насильнике и убийце А. Чикатило немало писалось в средствах массовой информации России. Ценность книги Пьера Лоррена в том, что это взгляд стороннего наблюдателя, мнение и впечатление «человека со стороны». Издание дополнено интервью убийцы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление	6
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	46
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Пьер Лоррен

Андрей Чикатило

Ростовское чудовище

*Выражаю признательности Илоне Балашовой,
Евгении Скржинской и Михаилу Сесинскому
драгоценную помощь в подборке документов,
необходимых для написания этой книги.*

Автор

Вступление

И октября 1992 года, Ростов-на-Дону. После шести месяцев тягостного судебного разбирательства, во время которого отвращение часто заглушало ужас, уголовное отделение областного суда вынесло, наконец, приговор по делу Андрея Чикатило, пятидесяти шести лет, обвиненного в совершении за двенадцатилетний период пятидесяти трех особо жестоких убийств, сопровождавшихся актами садизма, некрофилии и каннибализма; Жертвы: дети и подростки, как мальчики, так и девочки, а также женщины.

Начиная с 15 апреля того же года Ростов, город на юге России, обычно мирный и спокойный, привлек внимание значительной части населения бывшего Советского Союза и многих людей за рубежом. Не только российское телевидение, но и CNN и иные западные информационные каналы регулярно передавали через спутниковую связь репортажи из зала суда.

Иностранные съемочные группы, записывающие на улицах комментарии своих хроникеров, в Москве давно примелькавшие, стали привычными и здесь. За время процесса Ростов перестал ощущать дефицит общения со столичными средствами массовой информации. И даже куда-то исчез вечно недовольный, видимо, тоскующий по прежнему режиму, поборник законности, который ранее донимал журналистов вопросом:

– У нас есть разрешение снимать?

В плохо проветренный с никудышной акустикой зал заседаний на сто мест набились газетчики, фотографы, операторы, родственники потерпевших, сотрудники милиции, врачи (во время процесса случилось немало обмороков) и любопытные, по большей части студенты расположенного поблизости института. На чтение приговора объемом в триста пятьдесят страниц ушло ни много ни мало два дня. И более двух часов зачитывали список жертв, перечисляли обстоятельства убийств. Заключение в железной клетке, подсудимый чем-то напоминает Ганнибала Лектора из «Молчания ягнят». Однако сходство ограничилось лишь наличием клетки. Чикатило не обладал сардоническим достоинством, каким наделил своего Томаса Харриса режиссер Энтони Хопкинс. Высокий, тощий, нескладный, с изуродованным ненавистью лицом, он размахивал руками, кривлялся и выкрикивал, обращаясь ко всем без разбора и перемежая ругательства с бессвязными фразами:

– Это не я!.. Я не крал линолеум!.. Я признался под пыткой!.. Меня накачали наркотиками... Да здравствует свободная Украина!

Но глаза, скрытые за стеклами очков для близоруких в толстой пластмассовой оправе, смотрели безразлично и невыразительно, словно он сам не верил в то, что говорил. Впрочем, большую часть времени подсудимый вполне адекватно отвечал на вопросы, которые ему задавали, а когда

принимался рассуждать, то вполне логично.

С самого начала процесса демонстрация безумия была для него единственным способом защиты. Психиатры признали его ответственным за совершенные им действия, но сомнения, естественно, оставались. Дело не только в том, что экспертизы проводились сотрудниками знаменитого Института общей и судебной психиатрии имени Сербского, известного главным образом тем, что в брежневские времена там объявляли сумасшедшими диссидентов. В разговорах и комментариях то и дело возникал вопрос: как поверить в то, что человек, способный совершить хоть одно из тех преступлений, от которых стыла кровь в жилах присутствовавших в зале, психически здоров?

Однако все были убеждены, что его безумие, если допустить наличие такового, не имело никакого отношения к той комедии которую он разыгрывал. В какой-то момент он начал притворяться, будто не понимает по-русски, не знает языка, на котором говорил с детства и даже когда-то его преподавал. Он изъяснялся на смешанном русско-украинском наречии и требовал присутствия переводчика. Он также потребовал, чтобы его защищал адвокат, принадлежащий к РУХу, украинскому националистическому движению. Чикатило в самом деле был украинцем. До распада СССР это не имело ровно никакого значения: у каждого была национальность (русский, белорус, латыш, еврей, армянин, таджик и так далее), но советское гражданство преобладало над всем

остальным, и повсюду, кроме разве что самых отдаленных уголков страны, говорили по-русски. Теперь все изменилось: население новых независимых республик еще не рассматривалось как иностранное в полном смысле слова, и свободное передвижение было гарантировано, но незамедлительно возникли некоторые проявления антагонизма.

Чего добивался Чикатило, заявляя о своем украинском происхождении? Хотел ли он завоевать симпатии соотечественников? Конечно нет. Кто, далее в самых экстремистских кругах украинских националистов, захотел бы связываться с подобным человеком? Впрочем, нет полной уверенности в том, что он действительно пытался прикрыть свои преступления национальной борьбой, в которой никогда не участвовал.

Чикатило изображал перед судом и сексуального маньяка. Вдруг потребовал заменить секретаршу суда:

– Ее декольте меня возбуждает. Я чувствую влечение. – И немедленно спустил штаны.

Председатель суда, судья Леонид Акубьянов, вынужден был вывести его из зала.

На следующий день секретарша явилась застегнутая до самого подбородка, несмотря на жару (40 °С в тени). Это ничего не изменило: Чикатило еще много раз спускал штаны, причем умудрялся снимать их даже со связанными за спиной руками. Естественно, его снова вывели из зала.

В другой раз он закричал:

– Я больше ничего не скажу, я чувствую, что груди у меня набухают. Я вот-вот должен родить!

При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что судья Акубьянов с облегчением закрыл заседание. Он пристально посмотрел на заключенного, сидевшего в своей клетке, и произнес:

– Чикатило Андрей Романович, решением суда вы признаны виновным в совершении пятидесяти двух убийств и приговариваетесь к смерти через расстрел. Вы располагаете недельным сроком для того, чтобы подать кассационную жалобу.

Эти слова были встречены громкими криками «ура!». Студенты расположенного по соседству института забирались с ногами на скамьи, чтобы получше разглядеть, как Чикатило закатит новую истерику.

– Для этого чудовища одной пули¹ мало! – крикнул кто-то. – Надо бы всадить в него пятьдесят две, по одной за каждую жертву!

В действительности он не был признан виновным в совершении одного из убийств за отсутствием улик. Была установлена его виновность в смерти двадцати одного мальчика, четырнадцати девочек и семнадцати женщин. Зато суд отверг версию помешательства, отметив, что обвиняемый адекват-

¹ В самом деле, никто не вызывает подразделение для расстрела. Со сталинских времен за выражением «расстрел» скрывается вполне прозаическая пуля в затылок.

но реагировал на происходящее, а его метод защиты был точным и продуманным.

После того как был произнесен приговор и охранники увели Чикатило, судья устроил пресс-конференцию с целью извлечь урок из этого процесса. В частности, он снова вернулся к мысли, которой дорожил и которую уже не раз высказывал:

– Чикатило вовсе не преступник мирового значения, напротив, это незначительное и жалкое создание.

Через несколько дней, 21 ноября, Юрий Антонян, юрист, специализирующийся на серийных убийствах и автор труда на эту тему, даст интервью газете «Правда», в котором также назовет Чикатило «жалким неудачником» и воспользуется для определения английским словом looser.

Но судья так продолжал свою речь:

– Исключительный характер этому делу придает лишь число жертв убийцы и его очень долгая «преступная карьера». Собственно говоря, следственным органам, которые в течение двенадцати лет многократно привлекали Чикатило к ответственности, чтобы вскоре после по го отпустить, следовало бы вынести нории. ти 11 некомпетентность и халатность...

По залу пробежал одобрителный ропот. Милицию (это советский, ныне российский, эквивалент нашей полиции) в прессе ругали. Она не только позволила Чикатило продолжить свою преступную деятельность, хотя он пребывал в ее

руках еще в начале своего кровавого пути допустила, чтобы вместо него был казнен невиновный.

Сидевший в уголке журналист что-то записывал.

– Нет, – шепнул он одному из коллег. – Не только милиция виновата. Ответственность лежит на всех нас. Чикатило – настоящее порождение нашей системы.

17 октября «Комсомольская правда», бывший орган Коммунистического союза молодежи, газета, ставшая в 1989–1990 годах, в поворотный период демократизации, одной из главных опор реформ, подхватила ту же мысль. Юрий Беспалов, ее специальный корреспондент в Ростове, писал: «Чикатило намекал на своего рода сверхъестественную предопределенность своей криминальной карьеры. Но я сильно опасаюсь, что колдовство не имеет ко всему этому никакого отношения. Он был воспитан этой страной и впитал ее жестокость и абсурдность...»

Наверное, журналист лучше судьи понял истинную причину медлительности следствия. Не имеет значения, было «ростовское чудовище» жалким типом или нет. Важно то, что на полгода он сделался зеркалом, в котором с ужасом увидело себя современное российское общество.

В этом феномене нет ничего особенно удивительного. Во все времена отдельные уголовные дела выходили из тесных рамок судебной хроники и заурядных ужасов повседневности, чтобы выявить проблемы и тревоги общества в целом. Обычно именно такие случаи сохраняет История, предпо-

читая их прочим, возможно, более значительным, но менее символическим.

Естественно, впечатляющий характер серийных убийств и атмосфера психоза, которую они нередко создают, способствуют тому, что они оказываются в центре всеобщего внимания. Болезненная притягательность, которой обладают в глазах публики те, кого англосаксы называют serial killers (серийные убийцы), объясняется, должно быть, тем, что подобные преступления не каждому по силам совершить. Любой человек может вообразить себя в шкуре убийцы, но мало кто способен отождествить себя с убийцей-садистом и рецидивистом.

Более того, поскольку политический и социальный контекст это позволяет, вопросы, которые мы задаем себе насчет мотивов действий преступника, неизбежно приводят к обвинению породившего его общества.

Так, международная известность Джека-Потрошителя², несомненно, менее всего объясняется числом его жертв (пять, может быть, шесть проституток), а порождена ходившими в те времена слухами, догадками о личности преступника: ему приписывали родство или близость к королевской семье, называли имена сэра Уильяма Гулля, личного врача королевы, и герцога Кларенса, старшего сына принца Уэльского. В благочестивой атмосфере викторианской Англии отвратительные преступления, совершавшиеся в про-

² «Джек-Потрошитель» Сфетана Бургуэна

стонародных кругах столицы, с легкостью могли быть (и были) использованы в качестве оружия политической пропаганды. Неспособность Скотленд-Ярда обличить преступника, конечно, способствовала тому, что Джек-Потрошитель стал героем легенды, но не в том была изначальная причина его известности.

Анри-Дезире Ландрю³, казненный в 1922 году за убийство десяти женщин и одного мальчика, также стал заметным явлением своего времени. Возможно, это произошло из-за его любопытной концепции роли женщины: он жил тем, что грабил свои жертвы, и это вполне могло выглядеть карикатурным символом социального положения, против которого выступали феминистские лиги.

То же самое можно было бы сказать о деле Петио, неотделимом от реалий периода оккупации. Как не увидеть в преступлениях этого врача-выродка, убивавшего ради того, чтобы ограбить тех людей, которых обещал провести в свободную зону, примитивно зловещего исполнения вишистских законов о конфискации имущества депортированных лиц.

В течение семидесяти лет советские люди видели себя лишь через кривое зеркало того режима: героический избранный народ, обязанный, по заветам марксистско-ленинского учения, построить коммунистический рай на земле. В целях пропаганды заявлялось, что правонарушения и преступления как следствие развращенности общества при ка-

³ «Господин Ландрю» Кристиана Гоисатча.

питализме существуют лишь на Западе. В 1981 году, в то самое время, когда Чикатило уже начал свою «преступную карьеру», советская пресса активно откликалась на злодеяния серийного убийцы, свирепствовавшего... в Атланте, в Соединенных Штатах.

О том, что происходило в СССР, знали лишь по слухам. В Москве ходили разговоры о человеке, который представлялся газовщиком, чтобы проникать в квартиры, насиловать и убивать одиноких женщин. В провинциальном городке распространялись вести о маньяке, разрезавшем свои жертвы на кусочки и подбрасывавшем эти жуткие «головоломки» под стоящие машины. Но все оставалось непроверенным, и каждый мог уговаривать себя, что это всего лишь выдумки, вроде сказок о людоедах, какими пугают детей.

Сегодня легенды уступили место реальности, и все мерзости, какие власть так долго скрывала во всех областях жизни, проявились. Дела, подобные истории Чикатило, обнажили пороки старого режима. Предлагаю вместе отправиться по следу Андрея Романовича Чикатило – «ростовского чудовища».

Глава 1

После того как был объявлен приговор, охранники отвели быющего в истерике обвиняемого в тесную подвальную камеру здания суда – дожидаться отправки в тюрьму. Вскоре он перестал вопить и дергаться, успокоился. О чем он думал? Может, о том, что завтра, 16 октября, ему исполнится 56 лет и смертный приговор прозвучал накануне его дня рождения?

К этому времени у него не оставалось сомнений в том, что казнь будет совершена, хотя Марат Хабибулин, назначенный адвокат, защищавший его по долгу службы и не испытывавший к нему ни малейшей симпатии, обнадеживал подзащитного. Однако Чикатило догадывался: приговор суда пересмотрен не будет, помилованием не заменят пулю в затылок на заключение в лагере строгого режима. Впрочем, для него попасть в исправительную колонию было бы хуже смерти: заключенные, точно так же, как и в других странах, очень не любят убийц детей, да к тому же еще и педофилов.

О чем еще мог он думать в фургоне, который увозил его в камеру смертников? О семье? О жене Фене (ему нравилось называть ее Фенечкой) и о детях? При помощи властей они смогли сменить фамилию, переехать в другой город, начать новую жизнь, чтобы избежать позора, оскорблений, издевательств или просто жалости доброжелателей. Конечно, фа-

милию Чикатило теперь носить было очень тяжело.

А может быть, трясясь и подсакивая на ухабах, сидя лицом к лицу с явно презиравшими его охранниками («Жалкий», – сказал о нем председатель суда), он вспоминал мгновения своего могущества, когда жизнь жертвы держалась на острие его ножа?

Чикатило обладал феноменальной памятью: во всех подробностях помнил убитых. Во время следствия он приводил милиционеров на места преступлений, совершенных за несколько лет до того, и с точностью до нескольких десятков шагов показывал, где закопал тело. Вспоминая о своих преступлениях, начинал дрожать, но не от страха или раскаяния, а от вожделения.

* * *

Все происходило так просто: девочка-подросток, немного растерявшаяся у выхода из здания Ростовского аэропорта. Явно ребенок из приличной семьи, хорошенькая, чистенькая, нарядно одетая. Только никто ее не встречал, и она тревожно озиралась кругом. Чикатило прекрасно умел использовать ситуацию: догадавшись, что ей нужна остановка автобуса, ласково предложил.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Девочка посмотрела на высокого худого человека с невыразительным лицом. Обыкновенный дедушка с коричневым

портфелем в руке. Разве можно было предположить, что в этом портфеле среди газет и прочих бумаг, в том числе – фотографий членов Политбюро, лежат кухонный нож, веревки и баночка с вазелином?

– Я еду к сестре в Шахты. Не знаю, где останавливается автобус.

– Мне в ту же сторону. Только я собирался взять такси. Если хочешь, поедem вместе, так будет проще.

«Взять такси» означало стоять у обочины и ждать, пока остановится какая-нибудь машина. Автомобилисты охотно подрабатывали, подвозя пассажиров.

– Пошли, дорога там.

Чтобы оказаться в нужном месте, надо было пройти через небольшой лесок. Чикатило решительно двинулся в путь: главное – не дать девочке времени на размышления! Он даже не обернулся, настолько был уверен, что она послушно пойдет вслед за ним к рошце, откуда ей уже не суждено выйти.

А сестра напрасно дожидалась ее на автобусной остановке у своего дома.

* * *

Может быть, в камере смертников, куда его грубо втокнули охранники, Чикатило вспомнил и того мальчика, которого приметил однажды у газетного киоска в Новошахтинске. Мальчик разглядывал почтовые марки.

– Так легко узнать, о чем думает ребенок... – объяснял потом на следствии Чикатило.

Он подошел поближе, притворился, будто изучает витрину, затем обратился к мальчику:

– Смотри-ка, появилась новая серия с космонавтами. Вот эта марка, за пятнадцать копеек, очень хорошая. Ты собираешь коллекцию?

– Да.

– А как тебя зовут?

– Петя.

Вот и все, диалог завязался. С чего бы мальчику опасаться этого довольно-таки пожилого дяденьки с большим портфелем в руке? Чикатило, работавший воспитателем в профессионально техническом училище, умел вызывать к себе доверие.

В тот день он не сразу повел свою жертву в один из тех многочисленных лесочков, какие бывают в новых районах на окраине любого российского города. По причине, ведомой лишь ему самому, он назначил Пете свидание вечером, пообещав принести интересную книгу. Должно быть, мальчик мечтал об этой книге: устремившись навстречу своей судьбе, он по пути встретился со своим дедом:

– Эй, внучек! Куда это ты так спешишь?

– Все в порядке, дедушка, – ответил тот на бегу. – Я скоро вернусь.

И, пока не стемнело, никто даже не беспокоился. Петя

Кашников был таким осторожным, таким умным мальчиком... Кто бы мог подумать, что он вот так опрометчиво доверится злодею? Его в конце концов после долгих поисков нашли в лесу. Страшно изуродованный труп был в пятидесяти четырех местах проткнут ножом.

* * *

Случалось, дело шло не так гладко, и ему приходилось долго искать подходящую жертву. Разумеется, всегда оставались нищенки, бомжихи или дурочки, которые соглашались последовать за ним на воображаемую дачу. Она и в самом деле когда-то у него была, но это чуть было не стоило ему разоблачения... Не следовало совершать там первое убийство. Лесная чаща куда надежнее! Впоследствии дача стала удобным предлогом для того, чтобы заманить жертву в безлюдное место. Русские обожают эти постройки в деревнях или посреди леса, часто приглашают к себе друзей.

— Поедем ко мне на дачу, хорошо проведем время!

В покачивающемся вагоне пригородной электрички Ростов — Шахты девушка взглянула на него оценивающе.

— А ты заплатишь?

— Разумеется.

Поначалу он вроде бы не убедил ее, но вскоре взгляд его спутницы изменился. Он без труда отгадал ход ее мыслей: у этого высокого, седого, унылого типа, который годится ей

в отцы, должно быть, есть чем расплатиться.

– Бутылку поставишь?

– Конечно, за кого ты меня принимаешь?

Он немало повидал таких бедолаг, готовых отдаться за стакан водки. Во время процесса судья Акубьянов спросил у него:

– Подсудимый, как вам удавалось уговорить женщину последовать за вами в безлюдное место?

– Уговорить? Да надо было только пообещать бутылку!

Девушке из электрички было не больше-семнадцати лет. Он едва не проворонил ее, еще немного – и вернулся бы ни с чем. Он прочесывал вагоны, разгоряченный, как бывало всегда, когда отправлялся «на охоту». И наконец, углядел ее в тамбуре между двумя вагонами. Заурядная молодая девчонка, не слишком опрятная, с грязными рыжими волосами. Типичная бродяжка. Наверное, сбежала из дому. Она курила, прислонившись к двери.

Он мгновенно успокоился и смог завязать разговор. Возбуждение не покидало его лишь до тех пор, пока он не находил добычу. После этого он действовал холодно и расчетливо.

Они вышли на станции Казачьи Лагерь. Пассажиры видели удалявшуюся фигуру вполне обычного человека с коричневой сумкой или портфелем в руке; с ним рядом – молодая девушка. Они шли не меньше четверти часа, пока не достигли подлеска. А потом...

Труп Ольги Куприной, заброшенный желтыми листьями и комьями влажной земли, был обнаружен в полутора километрах от станции. Тело буквально изрешечено ножевыми ударами. У девушки были отрезаны язык и один сосок, изуродован низ живота.

* * *

Мальчика Алешу он встретил в видеосалоне. В 80-е годы советские люди открыли для себя видеомагнитофоны. Наиболее предприимчивые и располагавшие достаточными средствами устраивали у себя полуподпольные залы, где крутили западные фильмы. Наибольшим успехом пользовались «Рэмбо» с Сильвестром Сталлоне и, конечно же, эротические фильмы. Последние отличались, главным образом, тем, что обещали куда больше, чем показывали, и Чикатило не составило труда уговорить Алешу прийти к нему:

– У меня такой фильм есть, закачаешься!

Под предлогом того, что такой путь короче, он повел мальчика на кладбище...

На заседании суда он рассказал совершенно невероятную историю:

– Несколько лет назад я вырыл там для себя могилу – хотел покончить с собой...

– Почему же ты этого не сделал, сволочь? – выкрикнул кто-то из зала.

– Время от времени я ходил проверять, на месте ли она.

Он затащил туда мальчика, толкнул его, повалил на грязную землю. Несмотря на хилый вид, Чикатило обладал поразительной физической силой, вроде тех тощих и узловатых портовых грузчиков на Среднем Востоке, о которых и не подумаешь, что они могут поднять громадные тяжести; в юности одноклассники прозвали его «Акрей-сила».

– Ну и что вы сделали дальше?

– Я пырнул его ножом. Потом потребовал, чтобы он высунул язык. Зубами оторвал от него кончик. Когда я наносил ему несильные удары по животу, у меня произошла эякуляция. После того как убил его, я вспорол ему живот и отрезал половые органы...

После этого он спрятал труп ребенка в могиле, которую предназначал для себя самого.

Алешу нашли только через три месяца...

* * *

Марте было за сорок. Во время следствия и на суде Чикатило говорил о ней так, словно они встречались накануне. Она была выпивши. Рассказывала ему про своего деда, известного ленинградского профессора. Он повел ее в парк.

На суде он охотно вспоминал:

– Когда она упала, я бросился на нее, сорвал одежду. Я несколько раз ударил ее кухонным ножом, и... у меня был

оргазм. Затем опустился на колени и продолжал вспарывать ей живот. Я вырезал половые органы и молочные железы. Мне кажется, я их грыз... Проглотил соски...

Тяжелое безмолвие зала оборвал глухой звук – какая-то женщина упала в обморок. Стали перешептываться, будто это мать жертвы, но никто не знал точно. Вызвали врача.

– Я тоже был санитаром! – крикнул Чикатило. – Я очищал общество от грязи.

Со скамей, где сидели родные убитых, раздались гневные крики. Председателю стоило большого труда навести порядок. Когда шум, наконец, стих, преступник продолжил свой рассказ, сопровождая его множеством подробностей. Казалось, описывая убийства, он испытывал то же садистское наслаждение, какое получал, совершая их.

– Я стал плясать от радости, носиться вокруг трупа и разбрасывать ее одежду по веткам деревьев...

* * *

Сумасшедший? Возможно. Впрочем, поначалу следствие действительно искало подозреваемого среди обитателей местных психиатрических клиник. Но Чикатило, в отличие от душевнобольных, старательно уничтожал все улики, стараясь не оставлять ни малейшего вещественного доказательства.

Во время следствия психиатры установят, что он исполь-

зовал свой нож как субститут пениса: хотя Чикатило и не был настоящим импотентом, все же с большим трудом достигал эрекции. Тогда он всем телом наваливался на жертву и наносил множество ударов ножом в грудь и шею, что было для него садистской имитацией полового акта. Экспертизы покажут также, что он калечил еще живых людей. Едва жертва переставала биться под ним, он спешил погрузить руки в се внутренности.

По мнению психиатра Александра Бухановского, который частично принимал участие в расследовании, вид и вкус крови возбуждали Чикатило и позволяли ему достичь оргазма. Это признал во время процесса и сам обвиняемый. Но он не сказал ничего о том, что побуждало его выкалывать глаза некоторым несчастным. Юрий Антонян, юрист, специализирующийся на серийных убийствах, считает, что порой убийцы прибегают к подобным надругательствам из-за патологической трусости. И в связи с этим приводит признание другого serial killer, некоего К.:

– Я боялся их взгляда. Когда возвращался домой, мне казалось, что их глаза на меня смотрят.

Может быть, то же самое было и с Чикатило?

В течение нескольких месяцев после убийства девятилетнего мальчика Саши его отец спрашивал у орнитологов, могли ли птицы выклевать глаза у мертвого ребенка. Каждый раз ему отвечали, что это невозможно, но он не мог поверить, что такое способен сделать человек...

Глава 2

Андрей Чикатило родился 16 октября 1936 года в Сумской области, на Украине. От детства, которое прошло в маленьком городке Яблочное, у него сохранились, как он скажет на следствии, тяжелые воспоминания.

В начале 30-х годов Украина особенно сильно страдала от проводимой Сталиным политики коллективизации земли. Речь шла о том, чтобы уничтожить все мелкие частные земельные наделы и объединить крестьян в одно хозяйство для коллективного пользования землей (колхоз) или превратить их в обычных сельскохозяйственных рабочих в совхозах, которыми управляло государство.

Одной из составных частей принудительной коллективизации была борьба с богатыми крестьянами, или кулаками. На самом деле последние вовсе не были эксплуататорами, какими изображала их сталинская пропаганда. По одному из первых декретов, изданных Лениным после большевистского переворота в октябре 1917 года, земля отдавалась во владение крестьянам. За десять лет некоторым из них, наиболее трудолюбивым, удалось окрепнуть, создать хорошее хозяйство. Другие не смогли этого сделать. Именно на них, бедных крестьян, и на партийных работников опирался Сталин, когда начал проводить свою политику преобразований в деревне. В Ставропольском крае среди активных сторонников

коллективизации была семья Михаила Горбачева, человека, которому более чем полвека спустя суждено было стать последним Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза.

Для Сталина, как и для большинства идеологов, цель оправдывала даже самые худшие средства. Донос стал главным оружием социальной чистки. В ряды главных обвинителей были призваны дети. Маленький Павлик Морозов стал образцом юного коммуниста: он выдал своего отца как кулака и был за это убит. Через тридцать пять лет, во время Китайской культурной революции, Мао Цзедун тоже умело использовал молодежь в качестве главного орудия идеологической борьбы.

Раскулачивание в СССР затронуло тысячи людей, в том числе крестьян-середняков, враждебно настроенных к колхозам, и сильно разрушило сельское хозяйство страны.

На Украине, по площади равной Франции, с особенно плодородной «черной» почвой (чернозем), крестьяне отнеслись к коллективизации еще более сдержанно. Чтобы заставить их покориться, советская власть применила особенно жестокое и действенное оружие – голод. В 1932 и 1933 годах следствием дезорганизации сельского хозяйства и конфискации государством запасов зерна стал искусственно вызванный голод. В некоторых местах людей довели до того, что они вынуждены были прибегнуть к каннибализму.

Голод затронул не только Украину. В своих мемуарах

Алексей Аджубей, бывший главный редактор газеты «Известия» и зять Никиты Хрущева, первого секретаря Коммунистической партии в 1953–1964 годах, рассказывает о поездке в Казахстан, которую совершил в 30-е годы:

«Берега рек, вдоль которых мы двигались, были пустынные. Нам попадались лишь обветшалые или совсем развалившиеся саманные дома. Мы проезжали через деревни, где человеческие скелеты валялись вперемешку с костями домашних животных. У умирающих не было сил хоронить мертвых».

По самым скромным подсчетам, число жертв достигло по меньшей мере семи миллионов. В то же самое время СССР экспортировал зерно, чтобы показать всему миру успехи коллективного сельского хозяйства.

Хотя в 1933 году Чикатило еще не родился, голод серьезно повлиял на его детство. Когда заходил разговор о тех временах, родители рассказывали ему, что его старшего брата Степана похитили и съели оголодавшие крестьяне. Правдивая или ложная, эта людоедская история оставила след в душе маленького Андрея, так же, как и рассказ об аресте его деда, настроенного против коллективизации: сосланный в Сибирь, он оттуда уже не вернулся.

А ведь он был всего-навсего середняк, труженик! – говорил Чикатило после ареста психиатрам, которым поручено было составить его психологический портрет.

22 июня 1941 года войска вермахта перешли границу Советского Союза, вынудив Красную Армию отступить. В то время Чикатило не исполнилось и пяти лет. Некоторые украинцы, подвергнутые репрессиям советской власти, причинившей им столько страданий, встретили немцев как освободителей. 30 июня украинская националистическая организация провозгласила во Львове создание Украинского государства.

По нацистам потребовалось совсем немного времени, чтобы показать истинные намерения. Притеснения, расправы и расстрелы стали обычным делом. Тогда националисты начали освободительную борьбу под лозунгом «Против Сталина и против Гитлера».

В декабре 1941 года Берлин превратил Украину в колониальное государство. Спустя восемь месяцев, в августе 1942 года, гауляйтер Кох заявил:

– Поведение немцев на Украине должно основываться на том обстоятельстве, что мы имеем дело с народом, низшим во всех отношениях... Им надо управлять железной рукой, чтобы он помог нам выиграть эту войну.

В течение двух лет, до 1943 года, Андрей и его семья находились на оккупированной территории. Его отец, сражавшийся в партизанском отряде, был взят в плен и отправлен

в Германию, в концентрационный лагерь.

Яблочное два раза переходило из рук в руки: во время наступления, а затем отступления нацистской армии. Чикатило вспоминал:

– После боев подбирали разрубленные трупы, плавающие в крови... Я видел на улицах разорванных на куски детей. Свист пуль, взрывы, пожары, охваченные огнем дома...

В 1944 году, с восстановлением советской власти, возобновились и коммунистические репрессии. С территорий, которые были оккупированы немцами, Сталин под предлогом сотрудничества с нацистами выселял целые народы. На Кавказе это произошло со многими горцами (карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы). В Крыму триста тысяч татар были изгнаны с земель, на которых обосновались несколько веков назад, и сосланы в Среднюю Азию. Многие из них погибли в дороге.

Через двенадцать лет, в феврале 1956 года, на XX съезде партии Хрущев, частично разоблачив преступления Сталина, объяснил:

– Украинцы избежали той же участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их переселить.

Преследованиям подверглись и миллионы людей, которых война, тем или иным образом, заставила столкнуться с капиталистической «заразой», в частности, военнопленных, для которых нацистские Lügner сменились советскими лаге-

рями⁴.

Именно это произошло с отцом Чикатило, Романом, который воевал в партизанском отряде. Захваченный немцами в плен, он был 1945 году освобожден американцами. После возвращения в СССР его отправили в лагерь неподалеку от Воркуты, на Крайнем Севере. Он вернулся чахоточным, кашлял кровью...

В послевоенном периоде, по словам Чикатило, он не вспомнит ничего хорошего: отсутствие отца, голод и холод. В самом деле, 1945, 1946 и 1947 годы были особенно тяжелыми в западной части СССР. В областях, разоренных боями, царил страшный голод. Чикатило было тогда не больше десяти или одиннадцати лет.

* * *

Пели бесспорно то, что истории, рассказанные ему родителями, война, арест и преждевременная смерть отца, голод сыграли большую роль в формировании личности юного Чикатило, то не следует забывать и о том, что десятки миллионов молодых советских людей пережили одновременно с ним примерно то же самое, однако это не сделало их серий-

⁴ Когда закончилась война, многие русские, поселившиеся на Западе после революции 1917 года, решили вернуться в СССР, чей авторитет после победы над Гитлером был огромным. Вместо земли обетованной многие узнали лишь горький опыт лагерей.

ными убийцами.

Собственно говоря, вполне возможно, что веж- ми- исто- рические потрясения повлияли на него меньше, чем мелкие события повседневной жизни.

В школе дети насмеялись над его очками. Он с пял их и не надевал до тридцати лет. Этот пример показывает, как много для него значило чужое мнение. Став подростком, он с завистью наблюдал за романами своих одноклассников, не решаясь предложить девочке погулять с ним – боялся насмешек. Но его поведение вызвало шутки другого рода: мальчишки стали дразнить его «бабой».

Когда, наконец, он решился завести подругу и впервые остался с ней наедине, то потерпел поражение: оказался не способен как мужчина. Этот первый опыт, возможно, не имел бы драматических последствий, если бы остался единичным. Но всякий раз, когда он пытался преодолеть свою слабость, вновь терпел неудачу.

Была его проблема физиологической или психологической? Может быть, сексуальные отношения, нравы, бытовавшие в то время, предопределяли возникновение подобных затруднений. Плохие жилищные условия (иногда целая семья ютилась в одной комнате коммунальной квартиры) создавали тесноту, мало располагающую к любовным излишества. По мнению психолога Ольги Жуковой, главным обычно считался акт сам по себе. Если выпадало несколько минут, когда никто не мешал, надо было ими распорядиться,

прямо перейдя к делу, prelimинариям не было времени и места. А зачастую именно они помогают мужчине обрести уверенность и преодолеть робость.

Даже если коммунальные квартиры еще существуют, за последние годы ситуация с жильем улучшилась, особенно в больших городах. Но, похоже, это не внесло реальных изменений в любовные привычки.

Чикатило, от природы наделенный огромной физической силой, мучительно переживал свою половую слабость. Вначале он надеялся, что со временем это пройдет. Но напрасно.

– Мы с ним гуляли полтора месяца, – рассказывает Татьяна Н., одна из его тогдашних подруг. – Однажды, когда мы остались одни, Андрей захотел овладеть мной, но у него не получилось. То же самое повторилось и в следующий раз.

В средней школе он считался хорошим учеником, но не сумел получить золотую медаль, которая позволила бы ему быть зачисленным без экзаменов в высшее учебное заведение. Он предпринял попытку поступить на юридический факультет Московского государственного университета. В то время, вскоре после смерти Сталина, юридические науки не слишком ценились: всем было ясно, что правосудие больше зависит от политических требований, чем от четких и всеобщих правил. «Социалистическая законность», которая, как покажет дело Чикатило, с большим трудом насаждалась и которой продолжали систематически пренебрегать, была в то время пустым звуком. Потому, вероятно, юридический фа-

культет престижного университета был самым доступным. Видимо, именно по этой причине Чикатило его набрал, но провалился на экзаменах.

За пять лет до него другой студент, Михаил Горбачев, основываясь на том же расчете, преуспел больше. Надо сказать, что поступление Горбачена было облегчено политической поддержкой, какой не мог располагать Чикатило, сын постояльца ГУЛАГа⁵.

Ему пришлось довольствоваться другим учебным заведением, поближе к дому – техникумом связи в Ахтырке, маленьком городке Сумской области.

Для того чтобы преуспеть в учебе, недостаточно было добиться хороших результатов по основным предметам. Надо отличиться в изучении марксизма и участвовать в общественной работе комсомольской организации, выступать на собраниях, сотрудничать в редколлегии стенной газеты, организовывать политинформации, заниматься агитацией во время выборов.

Чикатило, похоже, достаточно активно занимался этими делами. Во всяком случае, когда он закончил техникум и получил диплом, комсомол направил его заниматься политической работой на Урале. Отслужив в армии, он обосновался в Ростове-на-Дону, где изучал русский язык и литературу на

⁵ Вопреки очень распространенному представлению, слово «ГУЛАГ» означало не сами лагеря, но организацию, которая ими управляла, – Главное управление лагерей.

факультете словесности. Все развивалось довольно удачно, ему даже предложили вступить в Коммунистическую партию в 1959 году, хотя он был еще молод – всего двадцать три года. Обычно молодые люди до двадцати восьми лет оставались членами комсомольской организации.

Казалось, после трудных лет детства и юности судьба, наконец, ему улыбнулась. С дипломом филолога и партийным билетом в кармане он мог уверенно смотреть в будущее. И прежде всего подумать о женитьбе.

Глава 3

Андрей Чикатило сделал предложение подруге сестры Фене, скромной, немного печальной девушке, которая ответила согласием.

– Уже в первую брачную ночь я заметила его половую слабость, – говорила она в своих показаниях на следствии. – Тогда приняла это за робость. Однако так продолжалось во время всей нашей совместной жизни... В течение шести или семи последних лет мы практически не были близки.

Я благодарен жене за то, что она терпела мое бессилие, скажет, со своей стороны, Чикатило У нас практически не было полноценных половых сношений, только подобие. И она страдала от этого...

Неполноценность мужа все же не помешала этой чете родить двух детей – мальчика и девочку.

– Вначале, – продолжает рассказывать Феня, – он хотел много детей, поскольку сам был из большой семьи. Но я делала аборты. Когда он об этом узнал, то горько упрекал меня. Он говорил, что не способен понять, как я могу убить живое существо.

Может быть, Чикатило в те времена был вполне искренним. Может, тогда еще не узнал, что страдания и смерть другого человека могут стать для него источником сексуального наслаждения. Но даже и после того, как совершил первые

убийства, он продолжал изображать доброго отца семейства.

– Какие, на ваш взгляд, черты вашего характера являются основными? – спросили у него незадолго до вынесения приговора.

– Свойственные мне черты характера – откровенность, искренность, безграничная доброта...

Верил ли он сам в это? Возможно. В конце концов, разве может человек каждое утро смотреться в зеркало, говоря себе при этом, что он – гнусная тварь? Для того чтобы добрый доктор Джекилл мог сосуществовать с дремлющим в нем омерзительным мистером Хайдом, не приходилось ли ему ломать комедию перед самим собой и находить оправдания дурным поступкам?

– Это неблагоприятная и агрессивная окружающая среда спровоцировала ситуацию невозможности общения, – объяснил Чикатило журналистам на встрече во время процесса.

Но в то время, когда женился, Чикатило еще не был тем «ростовским чудовищем», о котором будут через двадцать лет писать во всех газетах. Напротив, он преподает язык Пушкина и Чехова, любит порассуждать о моральном и этическом значении русской литературы, черпая достойные примеры из классических произведений, созданных до и после революции. Член партии, он верит в исключительную ценность «кодекса строителей коммунизма», в те «двенадцать заповедей» советского строя, которые заменили собой десять заповедей христианской морали. Он регулярно

посещает «университеты марксизма- ленинизма», чтобы совершенствоваться в изучении исторического материализма, науки, призванной изменить облик мира и идейно вооружить строителей коммунистического рая.

Его ученики из школы-интерната № 32 города Новочеркасска, крупного промышленного центра в тридцати километрах от Ростова, десяти-двенадцатилетние дети, считали своего преподавателя чудаковатым и не слушались. На уроках всегда было шумно, но он продолжал бубнить свое.

Некоторые из них после его ареста в 1990 году вспомнят, что у него были странные привычки: иногда он устремлял пристальный взгляд на маленьких девочек и при этом проводил рукой по ширинке, словно забыл ее застегнуть.

Первый серьезный случай произошел в 1973 году. В тот день Чикатило отправился с учениками за город. Все вместе пошли купаться в одном из прудов. Ему не впервые приходилось таким образом выводить класс на прогулку. В тридцать шесть лет он считался серьезным учителем. И тем не менее именно в этот момент его жизнь пошатнулась: одна из учениц, маленькая Люба, была физически более развита, чем ее подруги. Ома уже сформировалась.

– Когда увидел ее обнаженное тело, мне захотелось к ней прикоснуться, признается он впоследствии. Я подплыл к ней и принялся ее щипать, гладить грудь, ляжки, трогать половые органы...

Люба закричала, стала вырываться, громко заплакала, но

Чикатило не унимался.

– Она сопротивлялась, и это меня возбуждало... Я оставил ее только после того, как получил полное сексуальное удовлетворение.

Школьники окружили плачущую девочку. Почти все они были слишком малы, чтобы понять, что произошло, но, вернувшись в школу, обо всем рассказали.

Перед директором школы Чикатило все отрицал, объяснял, что всего лишь поиграл с девочкой, которая ничего не поняла.

Его спас недостаток мужской силы. Сомнения оставались, но дело замяли. Директор не хотел подрывать репутацию своего учебного заведения. Чикатило было разрешено продолжать занятия с учениками.

Но эта загородная прогулка пробудила его влечения. Несколько дней спустя он повторил попытку с девочкой Тоней, оставшись с ней наедине для дополнительных занятий.

На этот раз отпираться было бесполезно: он сорвал с девочки трусики и поцарапал ей ляжки. Ситуация была достаточно ясной, дабы возбудить уголовное дело. Чикатило, рухнув на стул в кабинете директора школы, уже представлял себе дальнейшее развитие событий: тюрьма, позор, его семья разрушена, жена Фенечка сломлена...

– Я должен был вызвать милицию, – сказал директор. – Но если эта история станет достоянием общественности, ваши мерзости запятнают всех нас. В интересах школы я требую,

чтобы вы уволились!

И дело снова замяли...

Радуюсь, что так легко отделался, он панк н себе другую работу – стал преподавателем в профессионально-техническом училище № 39 города Новошахтинска, расположенного в сорока километрах к северу от Новочеркасска. Жене не признался, что его выгнали из школы, выдумав историю о более выгодном предложении:

– Ко мне пришли и предложили хорошую работу.

* * *

Спустя несколько лет он снова поменял место работы: теперь он был воспитателем в общежитии ПТУ № 33 в Шахтах. Благодаря этой должности и он получил жилье – большую комнату, где поселился с женой и двумя детьми. По вечерам, продолжая играть роль защитника социалистической морали, он сочинял для местной газеты статьи о долге строителя коммунизма.

Ученики по-прежнему считали его человеком с причудами и, когда он проходил мимо, передразнивали его любимую привычку: трогать собственную ширинку. Его называли гомиком и голубым (гомосексуалистом и геем) и говорили, что лучше держаться от него подальше. Коллеги тоже насмеялись над ним.

Несмотря на такое мнение о нем, он до поры до време-

ни интересовался главным образом женщинами. Нелегко понять, что именно побудило его как-то ночью пробраться в комнату одного из учеников, Владимира.

— Когда я увидел мальчика, который спал, сбросив одеяло, во мне пробудилось желание, — признается он потом следователю. — Я снял с него трусы и взял в рот его член... Но он проснулся и пригрозил, что позовет друзей. Я сразу ушел...

После ареста журналисты расспрашивали Чикатило относительно его гомосексуальности. Он охотно поддержал эту тему:

— В детстве мальчики обзывали меня девчонкой. Теперь я уже толком не знаю, к какому полу в большей степени принадлежу... Мне нравятся мужские приставания.

— У вас были близкие друзья?

— Нет, у меня не было близкого друга. Я был погружен в мечты, жил воображением. Переживал несправедливые обиды.

Директор шахтинского училища отреагировал точно так же, как директор новочеркасского интерната, — первым делом надо избежать огласки, В советских условиях такое дело было особенно серьезным: к попытке изнасилования и совращения малолетнего присоединялся гомосексуализм — правонарушение, сурово каравшееся Уголовным кодексом СССР. Чикатило мог надолго угодить за решетку.

Но, может быть, вновь избежав кары, он поверил в собственную неуязвимость? Во всяком случае вскоре после это-

го он из сексуального маньяка превратился в убийцу.

Во время процесса часть российской прессы яростно обрушилась на руководителей учебных заведений, которые предпочли избежать огласки и не сдали маньяка в руки милиции. Но были и другие мнения: это ничего бы не изменило, поскольку примерно у 12 % из всех серийных сексуальных преступников, обследованных психиатрами института Сербского в течение последних двадцати шести лет, были выявлены нарушения сексуального поведения. О них были должным образом проинформированы власти, но соответствующие меры не приняты. 40 % из них имели судимость, причем 22 % – за сексуальные преступления.

После вынужденного увольнения из ПТУ № 33 Чикатило и думать не смел о преподавательской работе. Его репутация стала подмоченной, и руководители народного образования области не хотели рисковать.

В конце концов он нашел работу в городе Шахты – стал начальником отдела снабжения промышленного объединения «Ростовнеруд», включавшего в себя заводы, которые производили не-металлоносные материалы.

Эта должность, совершенно неизвестная на Западе, была одной из важнейших на социалистическом предприятии. Роль этих торговых представителей наизнанку заключалась в том, чтобы находить сырье и промежуточную продукцию, которые должны были дать их заводу возможность выполнить государственный план.

При рыночной экономике главная задача предприятия – продать свою продукцию, то есть найти покупателей. Чтобы добиться этого, посылают агентов и торговых представителей, которые должны знакомить с изделиями предприятия и находить для них сбыт. В плановой советской экономике единственное, что требовалось, – произвести определенное количество продукции. При таком планировании не учитывалось, нужны ли кому-нибудь изготовленные предметы и сколько. Потому порой продукция скапливалась на складах или в магазинных подсобках, не востребованная покупателем. Однако само по себе выполнение плана обеспечивало выплату зарплаты и премии государством.

Так, если план, составленный для фабрики, выпускающей кастрюли, предусматривал поставку в розничную торговлю миллиона кухонных принадлежностей, в интересах ответственных за выпуск продукции было поощрять изготовление мелких, легких и простых в производстве предметов. Таким образом, рынок оказывался заваленным жестяными стаканчиками.

Если же план составлялся не в штуках, а в тоннах продукции, место стаканчиков занимали огромные, тяжеленные котлы, потому что так заводу проще было выполнить план.

Ну а если конечный результат исчислялся в рублях, на рынок выбрасывали в больших количествах электрические самовары, которые стоили намного дороже.

Карикатура? Ничего подобного. В своей недавно вышед-

шей книге «Le Russisme» («Русизм») Виржини Куллудон (Coulloudon) рассказывает, что один из крупнейших в СССР заводов по изготовлению зерновых комбайнов «Ростсельмаш», расположенный как раз в Ростове-на-Дону, выпускал такие тяжелые машины, что ни один колхоз не соглашался их использовать из страха погубить поля. Вместо того чтобы обсудить с потребителями их потребности и выпускать подходящие машины, сотрудники предприятия предпочитали выполнять план и обеспечивать выпуск продукции любой ценой. Дирекция «Ростсельмаша» нашла оригинальный способ избавляться от нераспроданных излишков: машины бесплатно передавали руководителям сельскохозяйственных предприятий области, а те спешили загнать их в ангары и там забыть. И это лишь один из множества подобных примеров.

Так что советское предприятие могло совершенно не заботиться о судьбе выпускаемых им товаров. Зато ему приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы раздобыть материальные ценности, которые позволят выполнить план и получить от государства причитающуюся за это кругленькую сумму в виде премии.

Отсюда важность роли снабженца, или толкача. Он должен толкаться во все двери (отсюда и пошло прозвище), чтобы найти не покупателей, но поставщиков, способных снабдить его завод сырьем и комплектующими деталями. Естественно, для выполнения своей работы снабженцы исполь-

зовали те же приемы, что и торговые представители в других странах: подарки, выпивка, взятки и путевки на отдых в хороших, престижных местах.

Во время суда над Чикатило корреспондент одной из зарубежных программ телевидения, впервые услышав о существовании подобной системы, воскликнул:

– Если бы в моей стране так работали, она давно бы развалилась!

– А что, по-твоему, случилось с нашей страной? – печально отозвался кто-то.

Вот, значит, какая работа досталась Андрею Чикатило и позволила ему колесить по всему Советскому Союзу, оставляя за собой кровавый след.

Глава 4

Собственно говоря, это нельзя было назвать домом – скорее маленькая саманная хатка, полуразвалившаяся, окруженная забором из прогнивших и расшатанных досок. Давным-давно необитаемая, слегка покосившаяся, она стояла среди деревьев на берегу речки Грушевки, на окраине Шахт, и стала излюбленным местом игр живших поблизости детей; они приходили сюда играть в войну, стащив у родителей пилотки и выстрогав оружие из веток. Разумеется, храбрые красноармейцы всегда побеждали.

Жители немногочисленных соседних домов говорили поначалу, что жалко, чтобы хата стояла пустая, когда столько семей в городе ютятся в тесных комнатах. Но, когда летом 1978 года некто решился завладеть хибаркой, они отнеслись к нему с недоверием, словно боялись, что тот нарушит их покой. На самом деле, как вскоре выяснилось, новоприбывший, высокий седой человек с лицом «типичного дегенерата с газетной карикатуры», если воспользоваться выражением одного из корреспондентов «Литературной газеты», вовсе не думал там поселиться, а просто хотел иметь «дачу», чтобы время от времени приводить туда женщин. В общем, что-то вроде холостяцкой квартирки.

В течение всего лета и осени он часто появлялся здесь, всегда в сопровождении женщин или девушек. Но предпо-

лагаемые любовные игры никогда не затягивались. И гости уходили развеселившимися или разъяренными. Иногда они задерживались чуть подольше, и тогда выходили пьяными.

Один из местных жителей, назовем его Дворниковым, старший мастер на заводе и член народной дружины, стал присматриваться к этому типу и разузнавать о нем. И выяснил, что незнакомец занимает хату на вполне законных основаниях и, понятно, имеет право приводить туда кого захочет. В конце концов, это его дело.

Этого разъяснения, конечно, было мало для того, чтобы соседи перестали интересоваться редкими появлениями нового хозяина хаты и его подруг. Просто когда наступила зима и дни укоротились, труднее стало разглядеть девушек, которых он приводил.

– Смотри-ка, – однажды вечером сказал жене Дворников, – он вернулся. Свет горит.

Она мельком взглянула в окно. В самом деле, окно хаты светилось, и, несмотря на расстояние, она различила двигавшуюся за окном тень. Но у женщины было слишком много дел, и она вскоре забыла о незнакомце. Это было в пятницу, 22 декабря...

А в воскресенье, 24-го, на берегу Грушевки был обнаружен труп маленькой девочки. Вызвали милицию. На место выехала оперативная бригада отдела по расследованию преступлений.

Вскоре было установлено имя жертвы – девятилетнюю девочку звали Лена Закотина. За два дня до того родители заявили о ее исчезновении. Она не вернулась домой из школы.

Маленькая Лена была изнасилована и зверски убита ударами ножа. Судебно-медицинский эксперт установил, что смерть наступила не более 48 часов назад.

Следствие прежде всего заинтересовалось сексуальными маньяками и обитателями местных психиатрических клиник. Кто же еще мог совершить подобное преступление?

Того же мнения придерживался и следователь, назначенный прокуратурой. По советским законам, следственные отделы милиции имели право в одиночку заниматься только теми преступлениями, которые вызвали легкие телесные повреждения (менее десяти дней нетрудоспособности), тогда они сами расследовали дело и непосредственно передавали обвиняемого суду. Выполняя указания следователя, оперативная бригада внимательно изучила прошлое всех душевнобольных, проживавших в городе.

Тем не менее вскоре появилась другая версия. 22 декабря, под вечер, одна женщина обратила внимание на поведение мужчины, который явно старался уговорить девочку-школьницу пойти с ним. Человек этот произвел на нее очень неприятное впечатление: приглушенный голос, бегаю-

щие глаза, высокий, худой, на вид лет сорока. Длинный нос, оседланный очками, рот словно стянут к отсутствующему подбородку. Он ушел, и девочка нерешительно последовала за ним.

Другие свидетели добровольно явились дать показания в отдел уголовных расследований Управления внутренних дел города Шахты.

– Да, товарищ следователь, в тот вечер в хате действительно горел свет.

– Вы уверены, гражданин, что это было именно двадцать второго?

– Еще как уверен! В пятницу. Я прекрасно помню. Впрочем, я сказал об этом жене, она может подтвердить.

Для очистки совести офицер милиции послал участкового в развалюху у реки. Тот обошел кругом забора, заглянул внутрь. Дом был заперт, все на вид было спокойно. Он уже собирался уйти, как вдруг заметил на земле между домом и рекой подозрительные темные пятна...

Милицейская лаборатория подтвердила, что это действительно человеческая кровь. Внезапно «версия хаты» стала основной. Личность человека, время от времени бывавшего здесь, вскоре была установлена – Чикатило Андрей Романович, женат, имеет двоих детей. Он проживал с семьей в комнате общежития и исхитрился тайком купить «холодную квартиру», чтобы заниматься там Бог знает какими мерзостями с женщинами и, возможно, даже с малень-

кими девочками! Однако прошлое его не вязалось с обликом садиста-убийцы: преподаватель с университетским дипломом, член партии.

Следователь, дав разрешение допросить Чикатило, все же продолжал заниматься маньяками и прочими рецидивистами. В результате вскоре обнаружили в картотеке милиции дело некоего Александра Кравченко, двадцати шести лет. Еще несовершеннолетним, он был судим за убийство, обстоятельства которого отчасти напоминали убийство маленькой Лены. Он был осужден на несколько лет и отбывал наказание в колонии. По достижении совершеннолетия Александр Кравченко добился условного освобождения. Он поселился в Шахтах, нашел работу, женился. Вскоре родился ребенок. Короче, человек вроде бы исправился, но продолжал оставаться под надзором милиции.

Оперативники вызвали его на допрос и, чтобы не терять даром времени, немедленно стали запугивать:

– Признавайся! Это ты ее убил!

– Как тебе не стыдно! Приставать к маленькой девочке! Мразь! Ублюдок!

Как ни странно, Кравченко практически не защищался. Милиционеры решили не отпускать его до истечения законных семидесяти двух часов задержания. И тот под давлением в конце концов сказал то, что им хотелось от него услышать. За время долгого пребывания в детской колонии он, должно быть, усвоил, что единственная защита от побоев и

жестокое обращение – говорить и делать то, чего от тебя ждут⁶. Конечно, он не знал подробностей, не мог рассказать, где совершил убийство, как была одета маленькая Лена. Но алиби у него было ненадежное: в тот вечер, когда было совершено преступление, Александр был дома, но некому было это подтвердить, кроме жены. К тому же он во всем признался. Разве этого недостаточно?

Когда истек срок задержания, оперативники представили в прокуратуру наскоро сшитое дело. Районный прокурор подписал ордер на арест Кравченко. Что касается следователя, он даже не воспользовался десятидневным сроком, предоставленным законом для того, чтобы собрать элементы обвинения, необходимые для открытия уголовного дела.

Разумеется, милиция потеряла интерес к Чикатило. После формального допроса его отпустили: Не могли же они, в самом деле, арестовать его за сексуальное непостоянство!

Что касается Кравченко, то он отказался от своих показаний и пожаловался на жестокое обращение, но ничего не помогло. Нужен был виновный, и этот вполне подходил. Двух положенных по закону месяцев хватило для того, чтобы подготовить дело для передачи в суд. И только тогда подсудимый смог обратиться к адвокату. Как правило, защитника назначало Министерство юстиции, но обвиняемый мог и сам выбрать его. Если же располагал средствами, то мог даже

⁶ Подробнее об этом можно прочесть в автобиографической книге Леонида Габичева «Детский ГУЛАГ».

пригласить кого-нибудь из асов адвокатуры.

Даже самый компетентный адвокат, поскольку не был допущен к делу во время следствия, мог составить себе представление о нем лишь на основании собранных прокуратурой документов. При таких условиях правильную линию защиты выработать можно было лишь тогда, когда в обвинительном заключении наличествуют серьезные упущения. В большинстве же случаев адвокаты, напирая на смягчающие вину обстоятельства, просили суд о снисхождении.

С 1990 года адвокаты получили право помогать клиентам сразу после возбуждения уголовного дела. Сейчас они добились возможности приступить к работе еще до заключения под стражу, с момента задержания.

Но в 1979 году права защиты были еще очень ограниченными. Кравченко предстал перед Ростовским областным судом, где председательствовал судья Алексеев.

В то время суды создавались при помощи выборов. Они состояли из судьи и двух народных заседателей, избираемых на пять лет. У заседателей были равные права с судьей, единственная разница между ними заключалась в том, что последний председательствовал в суде. Принимая окончательные решения, члены суда определяли меру наказания в соответствии с Уголовным кодексом⁷.

⁷ Сегодня в России представители судебной власти назначаются Министерством юстиции. Постепенно вводится в практику суд присяжных для слушания уголовных дел.

После короткого заседания Ростовский областной народный суд приговорил Кравченко к высшей мере наказания, и это несмотря на его записки, которых, однако, было вполне достаточно для того, чтобы Верховный суд России отменил приговор и направил дело на доследование. Но этого никто не сделал.

В 1981 году Кравченко вновь предстал перед Ростовским областным судом, на этот раз под председательством судьи Ростаногова. Приговор, основанный на тех же следственных материалах, что и во время первого процесса, остался прежний, то есть смертный. Верховный суд под председательством судьи Смаквы утвердил его, и 23 марта 1982 года Александр Кравченко был казнен. Ему исполнилось тогда двадцать девять лет.

* * *

Через девять лет после этого Чикатило признался в убийстве маленькой Лены, и в 1992 году президиум Верховного суда России реабилитировал Кравченко.

Исса Костоев, следовательно, благодаря которому был задержан настоящий убийца (и о котором мы еще будем говорить в следующих главах) отправился вместе с двумя помощниками в затерянное посреди степей украинское село, где жила мать Кравченко.

Старая крестьянка радушно приняла городских гостей,

напоила чаем. Костоев не знал, как начать разговор. В конце концов, набрав побольше воздуха, как будто готовясь нырнуть, он пробормотал:

– Ваш сын был невиновен. Его казнили напрасно.

На лице старухи отразились разом и жгучее горе, и полное непонимание: она уже много лет не имела никаких вестей от Александра и не знала о том, что его расстреляли. Никому – ни в суде, ни в милиции – и в голову не пришло сообщить матери об участи сына...

Глава 5

После признаний, сделанных Чикатило, в конце 1990 года ростовская прокуратура вновь вернулась к расследованию давнего дела Кравченко.

«Ошибки» сотрудников милиции были выявлены быстро: халатность, нарушение прав подсудимого, давление с целью добиться признаний, отсутствие какого-либо критического суждения. Так, Кравченко не мог назвать хотя бы приблизительно возраст девочки, сказать, где он спрятал орудие убийства – кухонный нож. Кроме того, свидетельнице, которая незадолго до убийства видела маленькую Лену рядом с мужчиной и точно его описала, даже не устроили очной ставки с предполагаемым убийцей (равно как и с Чикатило). Следователь также получил свою порцию плетей: он собирал лишь обвинительные аргументы.

И все же в результате расследования не было предъявлено обвинение тем, по чьей вине Кравченко был казнен. Прокуратура, судя по всему, не в состоянии была определить, за какое преступление или правонарушение их следует наказать. И потом, разве можно было продемонстрировать, что они осудили невиновного, зная, что делают?

Приходилось принимать в расчет и другое соображение, на этот раз скорее политического плана: подобный опыт «правосудия» был, к сожалению, при советском режиме до-

статочно распространенным явлением. Идеологические требования порой преобладали над соображениями, продиктованными простым здравым смыслом. И, поскольку преступность считалась чисто капиталистическим явлением, она должна была исчезать по мере строительства социалистического общества. Под этим подразумевалось, что статистика преступлений и правонарушений⁸ должна уменьшаться с каждым годом.

Но влияние планирования не ограничивалось уменьшением числа правонарушений. Милиция со своей стороны должна была работать все лучше и лучше и добиваться все более убедительных результатов. Эти успехи исчислялись при помощи обязательного для сотрудников отделов уголовных расследований «процента раскрываемости».

Для Амурхана Яндиева, следователя по особо важным делам Ростовской областной прокуратуры, извращенные последствия были весьма значимыми:

– Существование пресловутого «процента» заставляет иногда прибегать к добыванию результата любой ценой.

В самом деле, при подобной системе судебные следователи стремятся уже не к тому, чтобы найти того, кто совершил данное преступление, а к тому, чтобы как можно меньше уголовных дел осталось нераскрытыми. А это означало,

⁸ Слова «преступление» («crime») и «правонарушение» («delit») переводятся на русский язык одним словом преступление, так что между тем и другим нет разграничения, какое существует во Франции.

что любого подозреваемого можно превратить в несомненного преступника.

Известно, что в любой стране мира, где полицию вынуждают добиться результата – делается это по политическим причинам или ради того, чтобы успокоить общественное мнение, испуганное ростом терроризма или преступности, – вскоре начинаются злоупотребления.

В 1975 году в Великобритании, во время правления лейбористского премьер-министра Гарольда Уилсона, сотрудники британской полиции, которая считается одной из самых надежных в мире, не постеснялись подделать улики ради того, чтобы отправить в тюрьму шестерых бирмингемцев (оправданы лондонским судом 14 марта 1990 года), представив их виновными в покушениях на убийство.

В сходной ситуации в 1982 году во Франции сотрудники антитеррористической секции Елисейского дворца, созданной Франсуа Миттераном, сами подбросили вещественные доказательства в квартиру, чтобы скомпрометировать троих ирландцев, предполагаемых членов IRA, и поднять шум вокруг их ареста (решение Парижского уголовного суда от 24 сентября 1991 года).

В СССР проблема заключалась в том, что политика достижения результата любой ценой проводилась повсеместно и постоянно. В каждой из областей страны одним из видов деятельности начальника Управления внутренних дел (УВД) было «управлять преступностью» таким образом, чтобы ре-

гулярно докладывать в министерство об успехах, как несомненных, так и мнимых. Потому зачастую многие преступления или правонарушения не регистрировались, чтобы не портить статистику. Но еще важнее было не допускать понижения пресловутого процента раскрываемости по сравнению с прошлым месяцем, прошлым кварталом или прошлым годом.

Иногда можно было одним выстрелом убить двух зайцев: если удавалось не регистрировать правонарушения, где высока была вероятность, что виновных не найдут, уменьшалась статистика преступности, и одновременно удавалось избежать снижения процента раскрываемости.

Но вооруженный грабеж или убийство – это не мелкие проступки; Их трудно скрыть, но иногда можно занести в разряд менее существенных. Естественно, эти подтасовки могли применяться лишь в отдельных случаях, у милиции и прокуратуры оставалось немало дел, над которыми надо было всерьез потрудиться. В те времена статистика преступности была засекречена. Распад СССР и открытие некоторых архивов, в частности архивов Коммунистической партии, позволили узнать точные цифры. Из «строго конфиденциального» отчета мы узнаем, что в период с 1985 по 1987 год в СССР ежегодно регистрировалось два миллиона преступлений и правонарушений, среди которых насчитывалось около двадцати тысяч убийств (против шестнадцати-восемнадцати тысяч в Соединенных Штатах). В одной только Ро-

стовской области ежегодно совершалось триста убийств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.